

Velychko N. V. The basic frame NATURE in A.P. Chekhov's linguistic consciousness.

The article deals with the results of linguo-cognitive and discourse analysis of the basic frame NATURE in A.P. Chekhov's linguistic consciousness.

Keywords: *linguo-cognitive and discourse analysis, frame.*

Воркачев С. Г.

Кубанский государственный технологический университет (Россия)

РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ: БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ¹

Кризисные проявления, наметившиеся недавно в лингвоконцептологии, были успешно преодолены путем смены вектора развития с экстенсивного на интенсивный. Выход из предкризисного состояния, однако, не избавил лингвоконцептологию от определенных внутренних противоречий и парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Ключевые слова: *концепт, лингвоконцептология, составляющая, значимость.*

Лингвоконцептология – наука молодая, выделившаяся путем партеногенеза из лингвокультурологии относительно недавно, но уже выработавшая свой достаточно сложный категориальный аппарат и свою специфическую исследовательскую методику.

На сегодняшний день это вполне состоявшееся и зрелое научное направление, о чем свидетельствует помимо наличия устоявшегося категориального аппарата и наработанных методологических алгоритмов исследования целый ряд косвенных признаков: появление учебных курсов и пособий, выход в лексикографическую практику – появление словарей концептов (концептуариев), осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода.

Сложные и многомерные семантические образования, лингвокультурные концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, и, как отмечается, построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов весьма проблематично [6, с. 24].

Следствием многомерности К-концептов как качественного разнообразия их содержания, очевидно, является выделение в их семантике отдельных составляющих, получающих в зависимости от используемой эвристической модели названия компонентов, слоев, страт, секторов и пр. В настоящее время в лингвоконцептологии обычно упоминаются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, причем более или менее согласованное единство мнений – и то с определенными оговорками – существует лишь в отношении двух из них – понятийной и образной.

К середине “нулевых” в триумфальной шестивии лингвоконцептологии наметились определенные кризисные проявления, однако в дальнейшем, сменив вектор развития с экстенсивного, горизонтального на вертикальный, интенсивный, она обрела “второе дыхание”. При движении “вверх” предметная область лингвоконцептологии изменилась за счет заполнения “гиатуса” между конкретными лингвоконцептами и национальной концептосферой путем выделения укрупненных единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами концепты, так и их семантические противочлены; движение “вниз” привело к углубленному исследованию отдельных особо значимых для

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ [грант № 10-04-38-404 а/Ю].

лингвокультуры концептов уже на уровне докторских диссертаций, а также к выделению новых типов и разновидностей концептов. Продолжилось дробление и дифференциация основных составляющих ЛК-концепта и объектом изучения стали части частей концепта.

За два десятка лет активного употребления термин “концепт” должен, что называется, изрядно навязнуть в зубах, не говоря о том, что ему изначально присущи определенные “врожденные пороки” – в частности, он, как и “лингвокультурология”, идиоэтничен и в принципе непереволим на языки, в лексической системе которых имеется соответствующая латинская основа *concep(us/um)* [2, с. 18].

Выход из предкризисного состояния и постепенное изменение вектора развития, тем не менее, не избавили лингвоконцептологию от определенных слабых мест в её теории, внутренних противоречий и даже парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Любой концепт как отражение факта культуры в общественном сознании уже представляет собой определенную ценность – иначе бы он не стал “сгустком смысла”, зафиксированным в коллективной памяти, как не нашли бы своего имени в языке малозначимые смыслы. Если ценность – свойство объекта удовлетворять или препятствовать (“антиценность”) удовлетворению какой-либо потребности субъекта и одновременно результат акта оценивания, то какая ценность, вернее, её разновидность (о типах оценки [1, с. 198–199] представлена в ценностной составляющей ЛК-концепта – общеаксиологическая (суммарная, “холическая”), гедоническая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная и пр.?

И еще: что такое “эмоциональная оценка” и в каком отношении она находится к ЛК-концепту? Мнение о том, что концепты “не только мыслятся, но и переживаются” [11, с. 41], заставляют биться сердце быстрее при попадании в фокус мысли [9, с. 5], стало общим местом, однако автор настоящей работы держал “в фокусе мысли” не один год такие концепты, как “счастье”, “любовь”, “справедливость/несправедливость”, не испытывая при этом никакого душевного трепета. Может быть, все-таки, переживаются не концепты, а конкретные эмоциогенные ситуации, и сколько раз ни повторять слово “халва”, во рту сладко не станет?

В то время как ценностная составляющая не совпадает с эмоциональной оценкой, она лишена и качественной определенности, позволяющей отделить её от “понятийности” (рациональности): “хорошо/плохо”, “добро/зло” вполне спокойно постигаются умозрительно, без всяких эмоций и образов. Помимо этого она носит “размытый” характер – её “фрагменты” зачастую рассредоточены в различных областях и точках семантической структуры ЛК-концепта, как в понятийной (аксиология и праксеология ЛК-концептов, как правило, присутствуют в паремиологическом фонде языка), так и в образной составляющей, не говоря уж о том, что оценочные коннотации, как правило, закреплены за вербальными знаками, с помощью которых “овеществляется” концепт (ср. : “осел” и “ишак” – первый глупый и упрямый, а второй трудолюбивый).

ЛК-концепт по определению – это некий культурно-значимый смысл, находящий выражение в языке, где под “выражением” понимается совокупность языковых средств, иллюстрирующих, уточняющих или развивающих содержание этого концепта [5, с. 110]. Языковые средства здесь признаются неотъемлемой частью лингвокультурного концепта уже по умолчанию, но, тем не менее, отделяются от собственно содержания концепта, в то время как “выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом” [12, с. 172], а изучение этимологии и

“внутренней формы” имен-выразителей концепта стало обязательным атрибутом лингвоконцептологических исследований. Однако средства вербализации концепта – это, преимущественно, слова, а слова как полноценные знаки имеют свою собственную концептуальную часть – план содержания, семантику, с которой нужно как-то определяться: решить, входит ли она в содержание концепта или же существует сама по себе.

Как представляется, логично было бы выделить эксплицитно специфически языковую семантику средств выражения ЛК-концепта в отдельную его составляющую: значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка [3, с. 103–105].

Так, если не включать в состав ЛК-концепта языковую, значимостную составляющую, то признаки логического парадокса можно усмотреть в самом факте конституирования, например, концептов “добро” и “зло” [8; 13], поскольку ЛК-концепт по определению сложное, многомерное ментальное образование, а “добро” и “зло” – это, по сути, результат гипостазирования аксиологической оценки, представленной рассудочно, рационально. Тем самым их семантический состав вырождается до одного признака и одной – либо ценностной, либо понятийной – составляющей, а в работах исследуется не сам концепт, а описывается множество объектов аксиологической оценки [4].

Другой парадокс возникает при конституировании таких концептов, как, например, “ангел” и “дьявол” [15], когда статус концепта приписывается его образному воплощению: “ангел” и “дьявол” являются символами основных понятий бытия – “добра” и “зла”, и это по сути означает, что в представлениях об ангеле персонифицируется, т. е. метафоризируется концепт добра, а в представлениях о дьяволе – концепт зла. Не совсем понятно, почему в качестве имени концепта берется название его метафорической составляющей – ангела/дьявола, а не собственно универсальной философской категории добра. Здесь, как представляется, происходит то же самое, что и в случае “концептов” черемухи, березы и прочих русских прагмонимов, символизирующих концепт России, но не являющихся отдельными концептами. В принципе, то же самое происходит при выделении “символического концепта “подарок”” [14], поскольку подарок сам по себе символизирует и благодарность, и просто симпатию, и корыстный расчет.

Общепризнано, что при переносе имени абстрактного на конкретный предмет абстракция “материализуется” – становится доступной чувственному восприятию, при переносе имени конкретного на другое конкретное имя в семантике первого выделяются какие-то важные признаки (“смотреть волком”). Однако функции переноса имени конкретного на имя абстрактное (если такое имеет место), по меньшей мере, непонятны: “запах – душа, запах – красота” [10, с. 8]? Может быть, здесь имеют место вовсе не метафорические отношения, или же это “обратная метафора” – не “запах – это красота”, а “красота – это запах”, и не “запах – это душа”, а “душа – это запах”.

О возможности смешения собственно концептуального содержания и денотата концепта уже говорилось, существует также возможность смешения понятийной и значимостной составляющей ЛК-концепта, когда отождествляются ключевые концепты какой-либо лингвокультуры и её ключевые слова, что отнюдь не то же самое: ключевому слову “авось”, например, соответствует ключевой концепт “беспечность”.

Л и т е р а т у р а :

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13–22.

3. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М., 2007.
4. Георгиева О. Н. Дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер “bien/добро” и “mal/зло”: АКД. – Волгоград, 2010.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. – М., 2009.
7. Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 2009.
8. Палеха Е. С. Концепт добро в языке поэзии серебряного века: АКД. – Казань, 2007.
9. Перельгина Е. М. Катаргическая функция текста: АКД. – Тверь, 1998.
10. Старостина Ю. А. Метафора как средство языковой реализации концепта “запах” (на материале романа Патрика Зюскинда “Парфюмер. История одного убийцы”): АКД. – Волгоград, 2010.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
12. Стернин И. А. Структура концепта // Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. – Воронеж, 2008. – С. 172–184.
13. Тихонова С. А. Концепты ЗЛО и EVIL в российской и американской политической картине мира: АКД. – Екатеринбург, 2006.
14. Черкасова Е. Н. Символический концепт “подарок” в языковом сознании (на материале американской и русской лингвокультур): АКД. – Волгоград, 2009.
15. Черкасова И. П. Концепт “ангел” и его реализация в тексте: АДД. – Волгоград, 2005.

Воркачев С. Г. Російська лінгвокультурологічна концептологія: больові точки.

Кризові прояви, що намітилися нещодавно в лінгвоконцептології, були успішно подолані шляхом зміни вектора розвитку з екстпассивного на інтенсивний.

Вихід з передкризового стану, однак, не позбавив лінгвоконцептологію від певних внутрішніх протиріч і парадоксів, що впливають, головним чином, з прийнятих принципів делення ЛК-концепту на якісно відмінні одна від одної складові.

Ключові слова: концепт, лінгвоконцептологія, складова, значимість.

Vorkachev S. G. Russian “linguocultural conceptology”: the points of tenderness.

Recently arisen in Russian “linguocultural conceptology” crisis manifestations have been successfully overcome by changing its evolution vector from the horizontal and extensive to the vertical and intensive. But this crisis overcoming however has not saved the “linguocultural conceptology” from certain inner contradictions and even paradoxes resulting mainly from the division of the concept in some separate and different components.

Keywords: concept, linguocultural conceptology, component, value.

Габидуллина А. Р.

**Горловский государственный педагогический институт
иностранных языков (Украина)**

МЕТАКОММУНИКАТИВЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕНИЯ В УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В статье исследуются типы метатекста в учебно-педагогическом дискурсе. Показана содержательная (метаречь) и регулятивная (метакоммуникатив) природа метавысказываний педагога. Названы основные функции метатекста в речевом поведении учителя.

Ключевые слова: метакоммуникатив, учебно-педагогический дискурс, дидактическая коммуникация.

Цель статьи – показать роль метакоммуникативов в организации учебного общения на уроках русского языка.

Метакоммуникативы являются разновидностью регулятивных средств языка. “В условиях гармоничного общения, взаимопонимания и выполнения правил общения метакоммуникация избыточна. Она появляется в (потенциальных) точках рассогласования общения. Это невыполнение конврсационных максим и, шире, правил